

Чжао Цзяньчэн крутил педали велосипеда, подгоняя себя всю дорогу, и наконец перед самым закатом благополучно добрался до дома своего старшего брата — Чжао Маньцзяна.

Увидев его, хозяин хоть и удивился, но расспрашивать не стал, а лишь велел жене Линь Маньцин сварить для брата миску лапши.

— Хорошо!

Линь Маньцин налила им обоим воды, затем увела младшую дочь из гостиной, а вскоре вернулась в комнату с дымящейся миской лапши с яйцом:

— Вторая дядя, перекуси пока наскоро, а потом поговорим.

Чжао Цзяньчэн с благодарностью кивнул:

— Хорошо, спасибо, старшая невестка.

Тут же взяв палочки, он принялся жадно уплетать еду. Линь Маньцин нахмурилась, подумала немного и ушла с ребенком в кабинет — помогать остальным двум дочерям делать уроки.

Чжао Маньцзян бросил взгляд на удалившиеся фигуры, выпрямился и, дождавшись, пока брат закончит есть, наконец задал вопрос:

— Ты примчался так срочно, что-то случилось?

— Угу!

Чжао Цзяньчэн поднял руку, вытер рот и в общих чертах выложил брату всю правду о Чжао Цзяньго и Цзян Хунмэй.

Чжао Маньцзян слушал, закипая от ярости, а его лицо стало хуже тучи:

— Я же с самого начала отговаривал его! Эта баба ему не пара, так нет же, не слушал! И вот теперь докатился: рога наставили, а он всё расстаться не может! Неужели в нашем роду Чжао отроду не рождалось мужчин с хоть капелькой гордости?!

Бах!

Он со злости ударил кулаком по журнальному столику с такой силой, что чашки и пиалы на нем зазвенели. Чжао Цзяньчэн даже вздрогнул от неожиданности и испуганно оглянулся на дверь:

— Старший брат, не пугай племянниц и невестку.

Чжао Маньцзян пренебрежительно отмахнулся и подвинул чайную кружку, хотя огонь в глазах так и не погас, а лицо оставалось мрачным.

Чжао Цзяньчэн сделал вид, будто ничего не заметил, понизил голос и продолжил:

— Я пришел попросить тебя и невестку о помощи. Найдите Цзяньго хорошую невесту, чтобы он раз и навсегда порвал с этой городской девчонкой. Иначе, если позволить им и дальше крутить пашни, боюсь, эта нахалка совсем погубит парня.

Услышав это, Чжао Маньцзян понял, что шурин действительно хочет оградить племянника от связи с Цзян Хунмэй. Его лицо мгновенно смягчилось, а тон стал теплее:

— Не переживай! Цзяньго — надежда семьи Чжао, я не позволю этой Цзян Хунмэй утянуть его на дно.

Он хлопнул брата по плечу и твердо произнес:

— Завтра же мы с твоей невесткой пойдем по своим организациям, поспрашиваем людей. Если найдется подходящая партия, сразу дам тебе знать.

— Спасибо, старший брат, побеспокою вас с невесткой.

Получив обещание, Чжао Цзяньчэн наконец почувствовал, как камень упал с сердца. Он решительно поднялся и с улыбкой попрощался:

— Ну, тогда я пойду домой.

— Уже темно, куда это ты собрался?!

Чжао Маньцзян встал и схватил его за рукав:

— Ночуй сегодня здесь, с рассветом и отправишься.

Чжао Цзяньчэн замахал руками:

— Нет-нет, я...

Цак!

Входная дверь отворилась изнутри. Линь Маньцин вместе с тремя девочками столпилась на пороге и с улыбкой посмотрела на гостя:

— Второй дядя, оставайся ночевать! Я как раз собираюсь приготовить для тебя комнату!

— Да, дядя!

Три девочки подбежали к нему и принялись ластиться:

— Остайся у нас на ночь! Вы так давно к нам не приезжали!

Чжао Цзяньчэн окинул взглядом трех дочерей разного роста, опустил глаза, пряча насмешку, и напустил на себя тронутый вид. С улыбкой покачав головой, он ответил:

— Нет, в другой раз!

Затем под дружные уговоры домочадцев он решительно вышел из двора старшего брата, не оглядываясь.

Чжао Маньцзян стоял на пороге и провожал взглядом брата на велосипеде. Дождавшись, когда тот скроется из виду, он заложил руки за спину и вернулся в дом. Закрыв дверь, он молча с минуту смотрел на Линь Маньцин и дочерей, тяжело фыркнул, ушел в спальню и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Линь Маньцин виновато поджала губы: в доме и так всего пара комнат, старшая дочка Чжао Сяоцинь уже вышла замуж, но ведь остались еще три девочки, да и они с мужем. Чжао Цзяньчэну здесь попросту негде разместиться.

Впрочем, спорить она не смела — в конце концов, её поступок выглядел некрасиво. Проглотив обиду, она велела детям идти в комнаты делать уроки, а сама отправилась в спальню улаживать конфликт с мужем.

Когда Чжао Цзяньчэн вернулся домой, луна уже поднялась высоко над головой. Услышав, как он пристегивает велосипед, Чжао Цзяньчэн почувствовал, как у него по спине побежали мурашки. Парень вскочил, намереваясь встретить отца, но тот уже распахнул дверь. Стушевшись от чувства вины, он испуганно окликнул:

— Папа!

Однако Чжао Цзяньчэн даже не взглянул на него, а прошел прямо к столу и сел. Цинь Фэнъян тотчас же проявила расторопность: налила мужу полный доверху большой кружка воды и бережно поставила перед ним:

— Отец семейства, испей водички.

— Угу!

Чжао Цзяньчэн жадно сделал несколько больших глотков из эмалированной кружки, тяжело задышал и с грохотом швырнул ее на стол.

Бах!

Домочадцы невольно вздрогнули. Цинь Фэнъин тут же выразительно посмотрела на дочь и младшего сына. Те с полуслова поняли мать и, втянув головы в плечи, тихо пробормотали:

— Мам, пап, мы спать.

Быстро шмыгнув к себе, они заперли дверь. Услышав щелчок замка, Чжао Цзяньчэн наконец перевел взгляд на старшего сына, стоявшего у стола словно перепуганный цыплёнок, и рявкнул:

— Что ты вчера мне говорил?! А сегодня побежал подлизываться и подставлять голову под рога! С каких это пор в нашем роду Чжао водились такие бесхребетные ублюдки?!

Чжао Цзяньго не ожидал услышать столь резкие слова и, не в силах стерпеть, возразил:

— Папа, всё совсем не так, я...

— Да как не так?! — перебил его отец, повысив голос. — Разве Цзян Хунмэй не водила тебя за нос, как последнего рогатого дурня? Разве ты не вздыхаешь по ней? Вчера еще божился, что найдешь лучше, а сегодня уже бегаешь за ней хвостиком...

— Папа!

Чжао Цзяньго почувствовал, что теряет лицо, и громко запротестовал:

— Я сегодня просто увидел, что она повредила ногу, и донес её на спине! Всё было совсем не так, как вы думаете.

— Тц!

Чжао Цзяньчэн лишь горько усмехнулся от такой наглой лжи:

— Ты мне тут сказки не рассказывай! Дуришь тут голову отцу, как мертвецу ладан!

— Ничего подобного!

Лицо Чжао Цзяньго залилось краской, пальцы рук невольно сжались в кулаки. Он уже собирался продолжить оправдываться, но отец остановил его взмахом руки:

— Сынок, скажу тебе прямо: как бы сильно ты ни любил эту Цзян Хунмэй, я никогда не позволю ей переступить порог нашего дома.

Посмотрев на помрачневшего сына, Чжао Цзяньчэн тяжело вздохнул и продолжил:

— Раньше я не испытывал к ней такой антипатии. Но сегодня, после того как она открыто признала себя невестой Гу Юя и тут же принялась крутить хвостом перед тобой, я этого терпеть не намерен.

Чжао Цзяньго нахмурился и с упреком посмотрел на отца:

— Папа...

— Дай договорить, — холодно оборвал его отец, бросив на упрямого сына предостерегающий взгляд. — Ты вернулся и сидишь тут уже сколько времени. Неужели не думал: почему это она упала именно тогда, когда появился ты? А еще...

Сделав небольшую паузу, он разложил всё по полочкам:

— Сейчас, конечно, свободная любовь, но видел ты хоть раз женщину, которая во всеуслышание объявляет о наличии жениха, а на следующий день начинает заигрывать с другим парнем, явно равнодушным к ней? Либо у нее не все дома, либо преследует какие-то грязные цели.

После отцовских слов в затуманенной голове Чжао Цзяньго вдруг прояснилось. События сегодняшнего дня мелькнули перед глазами со скоростью молнии.

Его лицо мгновенно побелело, как лист бумаги. Как же он умудрился не разглядеть столь примитивные уловки Цзян Хунмэй? Видимо, любовь совсем ослепила его.

Грько усмехнувшись, Чжао Цзяньго тихо произнес:

— Папа, я был слеп.

Гнев в груди Чжао Цзяньчэна заметно поутих, и голос его сам собой стал мягче:

— Сынок, не сердись на жестокость отца. У этой Цзян Хунмэй мало того что полно изъянов, так еще и ветер в голове в делах сердечных.

Свяжешься с такой — и нет никакой гарантии, что за спиной она не начнет бегать к другим. Вот тогда кусать локти будет поздно.

— Угу!

Чжао Цзяньго вспомнил, как липко Цзян Хунмэй вилась вокруг Гу Юя, и всякое романтическое чувство к ней испарилось окончательно. Уставившись в темный край стола, он глухо ответил:

— Папа, не переживай, я больше... не стану с ней встречаться.

Убедившись, что сын всё понял, Чжао Цзяньчэн больше не стал возвращаться к этой теме. Он лишь велел ему готовиться к смотрам невесток и отпустил отдыхать.

С того дня Чжао Цзяньго действительно забыл дорогу к Цзян Хунмэй. На работу в поле он теперь ходил исключительно в обход.

Чжао Цзяньчэн с женой видели это, но всё равно тревожились — а ну как парня в один прекрасный день снова переклинит, и он потащится в посёлок к этой лисице? Осторожность превыше всего, поэтому они по очереди сопровождали сына на полевые работы, не спуская с него глаз.

А ничего не подозревающая Цзян Хунмэй пролежала дома три дня. Она надеялась, что травма ноги заставит Чжао Цзяньго вернуться к прежним отношениям, а заодно привлечет внимание Гу Юя.

Однако прошли сутки за сутками, а от обеих парней не было ни слуху ни духу. Поразмыслив, Цзян Хунмэй решила, что тех наверняка отвлекли какие-то неотложки, и попросила бригадира Ван Хунбо передать им весточку.

Тот поначалу отнекивался, но выдержать напор бесстыдной девчонки было невозможно: стоило им возвращаться со смены, как она принималась верещать на всю округу, зазывая:

— Ван-гэ! Бригадир Ван!

Не выдержав издевательств, Ван Хунбо сдался. Придя на поле и завидев Чжао Цзяньго, он едва успел произнести имя Цзян, как Цинь Фэнъин тут же оборвала его с едкой усмешкой:

— Что, товарищ городской интеллигент, трудодней заработал столько, что амбары трещат? Тогда в следующем месяце сможешь вернуть зерно, что взял у бригады в долг?

— Нет!

Ван Хунбо залился краской до корней волос и, уставившись на собственные штанины, пробормотал:

— В следующем месяце пока не получится.

— Ха!

Цинь Фэнъин уперла руки в боки и надменно приподняла брови:

— Раз вернуть нечем, так откуда столько свободного времени на благотворительность? Ступай маршем на свой участок, пока трудодни не урезали!

— Н-нет, я пойду!

Совсем сникший под градом насмешек, Ван Хунбо опрометью бросился прочь. Цинь Фэнъин сплюнула ему вслед:

— Тьфу!

Обернувшись к усердно работавшему сыну и убедившись, что тот никак не реагирует, она со спокойной душой принялась дальше пропалывать сорняки.

Ван Хунбо бежал без оглядки добрую милю, и только убедившись, что разъяренная женщина осталась далеко позади, остановился перевести дыхание. Случайно подняв голову, он заметил неподалеку работающих Гу Юя и Шэнь Цзянаня.

Раз уж подвернулся случай, решил он, передам им весточку и забуду как страшный сон. Подойдя ближе, он окликнул парней, но Гу Юй заговорил первым, прежде чем Ван Хунбо успел заикнуться о травме Цзян Хунмэй:

— Ван-гэ, передай, пожалуйста, Цзян Хунмэй: пусть перестанет трепать моё имя на каждом углу и прикрываться статусом невесты, это создает дурную молву. Мы никогда не были помолвлены, всё это плоды её больной фантазии и её родителей.

Гу Юй оперлся руками о черенок мотыги и слегка нахмурился:

— Отец Цзян Хунмэй когда-то служил под началом моего отца, а её мать прислуживала...

Он замялся, поднял глаза на Ван Хунбо и добавил с неловкой усмешкой:

— Пусть наша семья сейчас в опале... но это не значит, что любой может...

Не договорив до конца, Гу Юй замолчал, но Ван Хунбо и так всё понял. Подтекст был очевиден: сказки о помолвке — чистой воды выдумка семейства Цзян, которую семья Гу никогда не признавала.

А все те намеки на знатное происхождение столичной барышни, которые Цзян Хунмэй раньше то и дело роняла в разговорах, оказались фальшивкой. Если говорить прямо, при старом режиме её семейка была не более чем дворовой прислугой в доме Гу.

Мысленно сплюнув, Ван Хунбо подумал, что эта Цзян Хунмэй действительно метит слишком высоко. Наверняка родители Гу Юя неоднократно отказывали её семейству еще до падения клана Гу, просто те отличались исключительной толстокожистью и прикидывались глухими.

Что же до их отправки в деревню следом за Гу Юем — тут расчет был очевиден. Хотя семья Гу внешне разорилась, тетка Гу Юя вышла замуж за крупного чиновника, а дядя сбежал за границу.

В будущем, даже если клану Гу не суждено вернуть прежнее величие, опираясь на такие связи, Гу Юй при поддержке родственников вполне может выбиться в люди и вернуться в столицу. Вот Цзян Хунмэй и цеплялась за него мертвой хваткой, надеясь сорвать куш.

Подумав об этом, Ван Хунбо даже пожалел Гу Юя: надо же было угораздить вляпаться в такую липкую историю.

— Я понял. Как вернемся со смены, передам ей всё слово в слово.

На лице Гу Юя промелькнула благодарная улыбка:

— Хорошо! Спасибо, Ван-гэ.

— Не... не за что.

Непривычная вежливость и мягкость Гу Юя смутили Ван Хунбо. Раньше этот парень хоть и вел себя безупречно вежливо, но так тепло улыбался разве что Шэнь Цзянаню, а уж никак не остальным.

Кивнув в ответ, Ван Хунбо поспешно ретировался. Гу Юй проводил его взглядом, усмехнулся и уже собирался обратиться к стоявшему рядом Шэнь Цзянаню, как над полями прозвучал сигнал окончания смены.

Мгновенно свернув улыбку, он шагнул к другу и тихо бросил:

— Не жди меня к ужину.

С этими словами он быстро взбежал по земляной меже и зашагал в сторону коровника. Шэнь Цзянань озабоченно нахмурился, провожая взглядом его удаляющуюся спину.

После того откровенного разговора по душам Гу Юй сделался невероятно занятым. Чем именно он пропадал у коровника днями напролет, Шэнь Цзянань не знал, но в последнее время парень начал вести себя странно. Позавчера и вовсе учудил: едва выйдя в поле, «заболел» так убедительно, что у него изо рта пошла пена.

Чжао Хунцзюнь и Чжао Ган уже собирались везти его в медпункт, но парень, содрогаясь в судорогах, пробормотал, что это наследственное и лучшие врачи Пекина бессильны. Что оставалось делать мужикам? Пришлось отправить его отлёживаться домой.

И что вы думаете? Стоило этому больному добраться до усадьбы у подножия холма, как он тут же сбежал через задний двор и объявился дома только на следующее утро, измотанный и запыленный.

— Эх!

Шэнь Цзянань тихо вздохнул, отбросил лишние мысли, взвалил мотыгу на плечо и направился обратно к усадьбе.

На беду, по дороге возле развилки у общежития интеллигенции он нос к носу столкнулся с плачущей Цзян Хунмэй, хромающей на палке, и пытавшимися её усовестить Ван Хунбо и Лу Сяюэ.

— Да хватит вам! Чжао Цзяньго и слушать меня не стал, его мать меня отчитала, а Гу Юй вообще... И вы туда же!

Оказалось, что попытка Ван Хунбо передать послание провалилась. Цзян Хунмэй не смогла принять поражения и рвалась лично потребовать объяснений от Чжао Цзяньго и Гу Юя.

Ван Хунбо боялся, что её истерика навлечет гнев партийного секретаря и выйдет боком всем остальным переселенцам, поэтому вместе с товарищами держал её изо всех сил.

Но разве можно было достучаться до такой эгоистки, как Цзян Хунмэй? Узнав, что Чжао Цзяньго остался равнодушен к её травме, а Гу Юй публично отрёкся от любых отношений с ней, она окончательно потеряла рассудок от гнева.

— Не верю! — взвизгнула она, повернувшись к Ван Хунбо с безумными красными глазами. — Гу Юй не мог такого сказать! И Цзяньго не такой! Они...

Мимоходом услышав обрывки скандала, Шэнь Цзянань сразу догадался, какую очередную сцену разыгрывает Цзян Хунмэй. Мысленно выругавшись, он с безразличным видом перехватил поудобнее тяпку, пригнулся и бросился бегом по узкой тропинке в обход шумной компании.

Топ-топ-топ!

Чавканье быстрых шагов тут же привлекло внимание Ван Хунбо и остальных. Все обернулись на звук и увидели мелькнувшую темную фигуру. Присмотревшись, они узнали Шэнь Цзянаня.

— ...

На лицах присутствующих застыло немамое удивление: этот парень что, от чумы бежит?!

<http://bllate.org/book/22418/2353677>